

**ИРИНА
ЦЫГАНКОВА**
КЛИП («Клуб любителей
искусства и поэзии»)
«Серебряные росы»

им званием и решил так как я писал стихи - написать студенческую песню. По моим представлениям, студенческая песня должна была быть очень грустной, типа «Быстры, как волны, дни нашей жизни» или что-нибудь в этом роде. И вот как-то однажды я подсел к пианино и двумя пальцами стал подбирать музыку к стихам «Неистов и упрям, гори, огонь, гори...» Получилась песенка. Друзья ее подхватили. Но к этому занятию я тогда относился несерьезно...

**Прожить бы жизнь дотла,
а там пускай ведут
за все твои дела
на самый страшный суд.**

Разумеется, что его песни нравятся далеко не всем. Но уж тот, кто их полюбит, тот навсегда встанет под их знамена. Эти песни создают целый художественный мир, - очень определенный, несколько замкнутый, но необычайно привлекательный. Этот мир, по своей отчетливости подобный «Гринландии» Александра Грина, легко доступен каждому, он радостно принимает тебя и лечит, и радует, и успокаивает, и бодрит. О своих песнях Булат Шалвович говорил: «Я считаю свои произведения частью русской культуры, однако это вовсе не означает, что я отношу себя к числу тех, кто считает, что русская культура превосходит другие. Такие взгляды я никогда не принимал. Может быть, именно из-за своего грузинского происхождения я всегда был сторонником интернационализма, сторонником уважительного отношения к другим культурам.» Сколько глубокого смысла в «Грузинской песне»! «Это в общем, на самом деле не совсем грузинская песня, но она смыкается по символике с грузинским фольклором, и я ее так назвал.»

**«...и друзей созову, на любовь свое сердце настрою.
А иначе зачем на земле
этой вечной живу.»**

О задаче художника Окуджавы говорит следующее: «Художник видит перед собой единственную задачу - рассказать о себе, выразить себя, поделиться своими впечатлениями об окружающем. Что бы я ни писал: стихотворение, песню, повесть, роман - всегда и везде я рассказываю о себе, не стараюсь угодить ни своим поклонникам, ни противникам. Я стараюсь для вас и стараюсь отвечать на все ваши вопросы.» «Однажды один московский критический журнал попросил нескольких литераторов написать о том, для чего мы пишем и почему мы пишем. Так как я не умею писать статьи и не очень люблю анализировать себя самого, я отказался.

Остальные написали очень серьезные исследования собственного творчества. А я написал стихотворение и послал в журнал. Его тогда не напечатали, но зато потом получилась песня.»

**Каждый пишет, как он слышит,
каждый слышит, как он дышит,
как он дышит, так и пишет,**

**не стараясь угодить...
Так природа захотела,
почему - не наше дело,
для чего - не нам судить.**

Хочется сказать об отношении Окуджавы к великому поэту. «Пушкина я по-настоящему открыл для себя поздно, - лет в 40. Хотя читал его с детства и думал, что люблю. Но позже понял, что на самом деле я его не знал, не понимал, а просто участвовал в общем хоре. А в сорок лет я почувствовал Пушкина и стал перечитывать его другими глазами. Как стихи моего близкого, хорошего знакомого, как стихи дорогого мне человека, чья трагедия аукнулась во мне очень сильно. Я вижу в Пушкине для себя идеал. Он не достижим, но важно стремление приблизиться к нему. Среди прочих, у него есть еще одно достоинство, очень мне дорогое, которое заключается в умении смот-

Рисунок Семена Лосева

ПОЧЕМУ Я ЛЮБЛЮ ОКУДЖАВУ?

реть на себя иронически.»

**«...а все таки жаль, что
нельзя с Александром Сергеем
поужинать в «Яр»
заскочить хоть на четверть
часа.»**

Внимательно всматриваясь в биографию Окуджавы, мы теперь понимаем, что его «внезапное» и довольно «позднее» увлечение песенным творчеством (ему было уже «сильно за тридцать») не случайно. Судьба этого человека, никогда не учившегося музыке, тем не менее, складывалась так, что его детство и юность оказались интенсивно насыщенными самыми разнообразными музыкальными и звуковыми впечатлениями. ...В раннем детстве, месяцами живя то в Москве с родителями, то в Грузии с бабушкой - армянкой, мальчик говорил по-грузински и по-армянски. Потом случилось так, что долгие годы ни по-грузински, ни по-армянски говорить не приходилось. Знание слов и грамматики ушло, но чувство этих звучных языков осталось в глубине памяти, там же, где запечатлелось грузинское многоголосье, протяжные русские народные песни, слышанные в раннем детстве от московской няни, «своеобразная музыка арбатского двора»... В 1937

году его отец, видный партийный работник был, арестован и вскоре расстрелян. Мать послана в один из карагандинских лагерей. Тринадцатилетнего мальчика родственникам удалось спрятать и тем самым спасти от детского дома, куда положено было «сдавать» детей «врагов народа». Только через полтора года он смог вернуться в родной арбатский двор, продолжать учебу в московской школе. Из девятого класса он ушел на войну. Был минометчиком, связистом и взводным запевалой. А некоторое «музыкальное образование» Булат Окуджавы получил в первые послевоенные годы, когда переслушал в Тбилисском театре все оперы, «раз по тридцать каждую». «...Тбилиси того времени был удивительным городом, где каждый считал своим долгом ходить в оперу и на концерты - слушать хорошую музыку.

...Мы с друзьями ходили в оперу, как дворяне Петербурга XIX века: на особенно любимые арии». (Он учился тогда на филологическом факультете Тбилисского университета). «Я очень люблю эту личность (музыканта). Люблю слова: «музыка», «музыкант», «струна». Музыку я считаю важнейшим из искусств, даже выше, чем искусство слова.»

**«Заезжий музыкант
целуется с трубою... Пассажи по
утрам, так просто
ни о чем...»**

Совсем не случайным представляется то обстоятельство, что песни Булата Окуджавы имеют большой успех за рубежом нашей страны - в Польше, Югославии, Болгарии, Германии, Японии, во Франции, то есть, у иноязычного слушателя, который воспринимает прежде всего их мелодию. В 1985 году Булату Окуджаве присужден приз «Золотая гитара» на фестивале в Сан-Ремо (Италия). Настойчиво и последовательно Окуджава внушает нам простые истины о любви, вере, дружбе, братстве, верности, милосердии... Он делает это чаще всего очень деликатно, мягко: «Я потом, что непонятно, объясню», а иногда категорично: «Мы за ценой не постоим!», «Перед вами пусть встанут прошлого примеры!», - но почти всегда с улыбкой, когда с дружеской, а иногда с привкусом грусти и горечи: **«Тем более, что жизнь короткая такая...», «Заледенела роза и облетела вся...».**

«Да, у меня есть и грустные песни, и не всем они нравятся. Но я вспоминаю, что Горький называл вечно смеющихся людей «жизнерадостными эмбрионами». Таким людям я не верю, они мне не интересны. Грустить - не значит впадать в пессимизм и тоску. Грустить - это ведь и думать о своем предназначении в жизни, стараться усмирить несовершенство, мешающие жить». «Я клянусь, что это любовь была, посмотри: ведь это ее дела. Но знаешь, хоть Бога к себе призови, разве можно понять что-

нибудь в любви?»

...В 1962 году Окуджаву уводит из «Литературной газеты», в редакции которой он проработал несколько лет, и целиком отдается стихотворному и песенному творчеству. Много выступает. К этому времени относится одна из известнейших песен - «Песенка старого шарманщика», которая лучше других помогает понять первостепенную важность авторской интонации. Дело в том, что мелодико-ритмическую основу этой песни составляет знаменитая шарманочная «Разлука, ты разлука». Авторство же Окуджавы проявляется в той виртуозности, с которой он чуть-чуть видоизменяет и ярко стилизует общеизвестную мелодию. Почти не переступая границ «чужой» мелодии, Окуджава предлагает совершенно «свою» песню со столь характерным именно для его творчества сочетанием шутиливой маскарадности с серьезным разговором о судьбе художника, исповедальными интонациями дружеской беседы.

**Работа есть работа,
работа есть всегда.
Хватило б только пота
на все мои года.**

В середине 60-х годов - после града уничижительных статей с издевательскими заголовками, вроде «Цена шумного успеха», «Ловцы дешевой славы», и тому подобное - он перестал писать песни, выступать с ними и целиком ушел в работу над исторической прозой. За это время им были написаны роман о декабристах «Бедный Авросимов» и сатирическая повесть «Похождения Шипова», связанная с одним из эпизодов жизни Льва Толстого. О творчестве Окуджавы можно писать еще очень много: он пел, писал, снимался в фильмах. Как удачно сказал однажды кинорежиссер Эльдар Рязанов: **«Его песни входят в состав нашей души».** Стихотворение из сборника Булата Окуджавы «Милости судьбы» (1993 года) как бы подводит итог его жизни:

**Мне не нравится мой силуэт:
невыпадет как-то**

скомкан и скроен.

**А ведь мальчик был
ладен и строен...**

И надежды на лучшее нет.

**Поистерся мой старый пиджак,
но уже не зову я портного:
перекройки не выдержат снова -
доплетусь до финала и так.**

**Но тогда почему, почему,
по капризу какому такому
ничего не прощаю другому
и перчатку швыряю ему?**

**Покосился мой храм на крови,
впрочем, так же, как прочие
стройки.**

**Новодня ель - на помойке.
Ни надежд, ни судьбы,
ни любви...**

**Но тогда отчего, отчего
рву листы и бумагу мараю?
Не сгорел - только все догораю
и молчанья боюсь своего?**

Песни Окуджавы - это лучшее лекарство от бездуховности. И наши дети должны с рождения слушать и петь песни Окуджавы вместе с нами.

Окуджавы Булат

1999 09 02